

ИННОВАЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-312-321

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

КЕРИМОВА Милана Магомедсадиговна,

старший преподаватель кафедры уголовного права и
криминологии Юридического института Дагестанского
государственного университета, г. Махачкала, Россия,
e-mail: milana7887@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам квалификации преступлений, в которых цифровая валюта выступает средством их совершения. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием цифровых технологий, существенно опережающим формирование нормативной базы. Цифровая валюта может выступать одновременно в нескольких качествах: как объект посягательства, как средство совершения преступления, а также как имущество, подлежащее аресту и конфискации. На основе анализа доктринальных позиций, судебной практики и новелл уголовного законодательства 2025–2026 годов выявляются проблемные узлы квалификации: разграничение обычного расходования цифровой валюты и легализации, оценка операций на P2P-платформах, доказывание связи криптокошелька с обвиняемым, определение момента окончания преступления. Автором обосновывается необходимость выработки единых стандартов фиксации цифровых следов и унификации доказательственных стандартов, а также формулируются конкретные предложения по совершенствованию правоприменительной практики и уголовного законодательства.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, средство совершения преступления, квалификация преступлений, взяточничество, легализация, мошенничество, цифровые следы, конфискация, уголовное право.

KERIMOVA Milana Magomedsadikovna,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and
Criminology of the Law Institute of Dagestan State University,
Makhachkala, Russia

DIGITAL CURRENCY AS A MEANS OF COMMITTING A CRIME: PROBLEMS OF QUALIFICATION

Annotation. The article is devoted to the problems of qualification of crimes in which digital currency acts as a means of their commission. The relevance of the topic is due to the rapid development of digital technologies, which significantly outstrips the formation of the regulatory framework. Digital currency can simultaneously act in several capacities: as an object of encroachment, as a means of committing a crime, and as property subject to arrest and confiscation. Based on the analysis of doctrinal positions, judicial practice and novelties of criminal legislation of 2025–2026, the problematic nodes of qualification are identified: the distinction between ordinary spending of digital currency and legalization, evaluation of operations on P2P platforms, proving the connection of a crypto wallet with the accused, determining the moment of completion of the crime. The author substantiates the need to develop uniform standards for fixing digital traces and unifying evidentiary standards, and also formulates specific proposals for improving law enforcement practice and criminal legislation.

Key words: digital currency, cryptocurrency, means of committing a crime, qualification of crimes, bribery, legalization, fraud, digital traces, confiscation, criminal law.

Развитие цифровых технологий существенно опережает формирование нормативной базы — это объективная реальность, с которой сталкиваются все государства. Цифровая валюта стала не просто новым финансовым инструментом, но и фактором, влияющим на характер и структуру правонарушений [5; 9]. Особую остроту приобретает проблема квалификации преступлений, в которых цифровая валюта выступает не только предметом посягательства, но и средством совершения деяния.

Актуальность темы обусловлена, во-первых, масштабными законодательными изменениями 2025–2026 годов: Федеральным законом от 20.02.2026 № 38-ФЗ цифровая валюта признана имуществом для целей Уголовного кодекса Российской Федерации, в том числе для обеспечения возможности её конфискации [1]. Во-вторых, наблюдается устойчивый рост числа уголовных дел, в факте которых цифровая валюта фигурирует как вознаграждение за незаконный сбыт наркотических средств, как предмет взятки, как элемент мошеннических схем и как легализуемое имущество [6; 7]. В-третьих, в доктрине уголовного права отсутствует единство в понимании уголовно-правовой природы цифровой валюты, что порождает неоднородность правоприменения [10; 13].

Доктринальная дискуссия о правовой природе цифровой валюты для целей уголовного права развивается в нескольких направлениях. Первое направление — признание цифровой валюты «иным имуществом» — получило наиболее широкое распространение в судебной практике. Как отмечает старший следователь по особо важным делам ГСУ СК РФ по Северо-Кавказскому федеральному округу В. С. Мельник, «суды устойчиво воспринимают цифровую валюту как „иное имущество“ в смысле статей 174, 174.1 УК РФ, а также как предмет взятки и объект мошеннического посягательства» [6, с. 47]. Данная позиция базируется на том, что цифровая валюта обладает всеми признаками имущества: она имеет стоимость, может быть отчуждена, может выступать средством расчёта и хранения ценности.

Второе направление связано с признанием цифровой валюты предметом преступлений против собственности. Пленум Верховного Суда РФ в 2026 году разъяснил, что предметом хищения могут быть не только вещи, но и безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта. При этом хищение таких средств считается оконченным с момента их списания со счёта потерпевшего, поскольку одновременно с изъятием виновный фактически распоряжается похищенным имуществом [8]. Данная позиция имеет принципиальное значение,

поскольку впервые на уровне высшей судебной инстанции закреплён подход к цифровой валюте как к потенциальному предмету хищения, что устраняет ранее существовавшую неопределённость [2].

Третье направление акцентирует внимание на дуалистической природе цифровой валюты, которая может выступать одновременно как предмет и как средство совершения преступления. В доктрине отмечается, что цифровая валюта активно используется в различных экономических преступлениях, а отсутствие чёткого правового статуса цифровых валют создаёт благоприятные условия для преступных посягательств [9]. Как справедливо указывает Э. Л. Сидоренко, «цифровая валюта не вписывается в традиционную триаду „вещь — деньги — ценные бумаги“, что требует выработки особой методологии квалификации преступлений, связанных с ней» [13]. Дуалистическая природа цифровой валюты обуславливает необходимость учёта как её экономических свойств (стоимость, обращаемость), так и технических характеристик (децентрализованность, анонимность, отсутствие материальной формы), что было подчеркнуто также в исследованиях Н. А. Лопашенко применительно к преступлениям в сфере экономики [15, с. 112].

Четвёртое направление, напротив, ставит под сомнение возможность признания цифровой валюты имуществом в традиционном смысле. М. А. Филатова аргументирует, что «криптовалюта не обладает признаками вещи в смысле ст. 128 ГК РФ, не является безналичными денежными средствами или ценными бумагами; отнесение её к „иному имуществу“ для целей УК РФ возможно лишь в рамках расширительного толкования» [10, с. 31]. Данная позиция, несмотря на её критику, заслуживает внимания, поскольку она обнажает фундаментальную проблему: уголовно-правовая квалификация опирается на гражданско-правовое понятие имущества, которое не всегда адекватно отражает специфику цифровых активов. Как отмечает О. А. Кузнецова, правовое регулирование оборота цифровых финансовых активов характеризуется существенными пробелами, что создаёт условия для использования этих активов в преступных целях [25, с. 14].

Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ внёс определённость в этот вопрос, признав цифровую валюту имуществом для целей УК РФ и установив порядок наложения на неё ареста и особенности изъятия при производстве следственных действий [1]. Однако, как справедливо отмечает сенатор О. Земцов, «даже при наличии нормативных ориентиров возникают сложности в доказывании, идентификации активов, их оценке и последующем обращении в доход государства» [5]. Данное наблюдение подтверждается и мате-

риалами круглого стола, проведённого на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 26 мая 2026 года, в ходе которого были выявлены существенные расхождения в подходах судов к квалификации преступлений с использованием цифровой валюты [4].

Представляется, что для целей уголовного права ключевое значение имеет не гражданско-правовая природа цифровой валюты, а её фактическая способность выполнять функции имущества: служить средством обмена, средством сохранения ценности и средством платежа. Именно эта фактическая, а не юридическая характеристика делает цифровую валюту пригодной для использования в преступных целях — в качестве предмета взятки, средства легализации, объекта хищения и средства расчёта при совершении иных преступлений [6; 9]. Данный подход согласуется с позициями, высказанными в литературе о необходимости функционального, а не формального подхода к определению предмета преступления при квалификации деяний с цифровыми активами [15; 17].

Анализ судебной практики 2024–2026 годов позволяет выявить несколько групп проблемных узлов, каждый из которых требует самостоятельного доктринального осмысления.

Первая группа проблем связана с квалификацией взяточничества, в котором цифровая валюта выступает предметом получения взятки. Как показывает исследование А. А. Узденова, криптовалюта рассматривается судами как имущественная ценность, способная выступать предметом получения взятки, однако практика остаётся редкой и неоднородной [7, с. 236]. Наиболее сложными остаются вопросы оценки курса цифровой валюты, определения момента окончания преступления, доказательств контроля над цифровым кошельком и последующей конфискации актива.

Показательны примеры из практики. В Республике Мордовия вынесен приговор по делу о взятке в 2 BTC, при этом суд оценил размер взятки исходя из курса криптовалюты на день фактического получения, что составило значительную сумму [7]. В Карачаево-Черкесии начальник отдела полиции обвиняется в вымогательстве взятки в особо крупном размере, при этом на счёте хранится криптовалюта, эквивалентная 1,8 млн рублей [7, с. 238]. В обоих случаях суды столкнулись с необходимостью установления момента, когда взяткополучатель получил реальную возможность распоряжаться активом [23].

Проблема определения момента окончания преступления при получении взятки в цифровой валюте имеет принципиальное значение для квалификации. В отличие от традиционных форм взятки, где момент окончания связан с факти-

ческим получением денег или иного имущества, при использовании цифровой валюты требуется установить, когда именно взяткополучатель получил реальную возможность распоряжаться активом. В доктрине высказывается позиция, что получение электронных денег считается взяткой с момента поступления средств на электронный кошелёк [7]. Однако при использовании децентрализованных криптовалют, таких как Bitcoin или USDT, перевод на кошелёк может не означать фактического контроля над активом, если ключи находятся у третьего лица или если транзакция не подтверждена достаточным числом узлов сети. Э. Л. Сидоренко предлагает различать четыре уровня управляемости цифровым активом: 1) обладание приватным ключом; 2) способность инициировать транзакцию; 3) фактическое подтверждение транзакции в сети; 4) возможность конвертировать актив в фиатные деньги [14]. Только при достижении третьего уровня, по её мнению, можно говорить о реальном контроле над активом для целей квалификации получения взятки.

Вторая группа проблем связана с квалификацией легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём (ст. 174, 174.1 УК РФ). В доктрине отмечается, что предметом легализации могут выступать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретённых в результате совершения преступления [9, с. 29]. Однако ключевая проблема заключается в разграничении обычного расхода цифровой валюты, полученной преступным путём, и её легализации.

В. С. Мельник выделяет следующие проблемные узлы: разграничение обычного расхода цифровой валюты и легализации; оценка операций на P2P-платформах; доказывание связи криптокошелька с обвиняемым; процессуальное оформление цифровых следов [6, с. 51]. Судебная практика демонстрирует, что конвертация криптовалюты в рубли через анонимные кошельки и банковские карты третьих лиц квалифицируется как легализация. Например, по одному из дел цифровая валюта, полученная в результате торговли наркотиками, превращалась из биткоинов в рубли через анонимные кошельки и банковские карты третьих лиц, что было квалифицировано судом как легализация по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ [6, с. 52].

Вместе с тем в судебной практике встречаются и иные подходы. Так, Железнодорожный суд г. Пензы вынес обвинительный приговор по ст. 174.1 УК РФ, квалифицировав конвертацию криптовалюты, полученной от незаконного сбыта наркотиков, через P2P-платформу как легализацию. Однако Верховный Суд Республики Крым по аналогичному делу пришёл к противополож-

ному выводу, указав, что перевод криптовалюты на собственный счёт без использования третьих лиц и без цели придания правомерного вида владению не образует состава легализации [12]. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции впоследствии отменил оправдательный приговор, указав на необходимость оценки совокупности действий, а не только формальной операции конвертации [22].

Проблема разграничения особенно остра в связи со спецификой цели легализации. Как отмечает А. Евсеев, «цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению должна быть доказана, а не презумпироваться; простое распоряжение преступным доходом без цели его отмывания не образует состава ст. 174.1 УК РФ» [11, с. 33]. Представляется, что разграничение должно проводиться с учётом не только содержания финансовых операций, но и их структуры, использования номинальных держателей и уровней анонимности. Использование нескольких уровней конвертации, привлечение дропперов, задействование смесителей (mixers) и анонимных бирж свидетельствуют о наличии цели легализации, тогда как единичная конвертация на легальной бирже может рассматриваться как распоряжение преступным доходом.

Особого внимания заслуживает проблема квалификации операций на P2P-платформах. P2P-обмен предполагает прямую конвертацию криптовалюты в фиатные деньги между пользователями без посредничества централизованной биржи. Такая форма конвертации создаёт дополнительные сложности для квалификации: с одной стороны, P2P-операции могут быть вполне легитимным способом распоряжения имуществом; с другой — они часто используются для обхода процедур KYC/AML и сокрытия происхождения средств. В доктрине отмечается, что «многоуровневые P2P-сделки с привлечением номинальных держателей (дропперов) свидетельствуют о наличии специальной цели легализации» [27, с. 102]. На практике распространена так называемая «схема треугольник», при которой преступные средства переводятся через кошелек-посредник, что формально разрывает связь между источником и конечным получателем, — такие операции, как правило, квалифицируются как легализация [27, с. 104].

Третья группа проблем связана с квалификацией мошенничества, в котором цифровая валюта выступает средством обмана или предметом хищения. Ключевой критерий отграничения мошенничества от кражи, по мнению исследователей, заключается в наличии взаимодействия с потерпевшим на основе обмана или злоупотребления доверием, приводящего к добровольной передаче криптовалюты или ключей доступа [9].

Однако на практике возникают сложности с доказыванием субъективной стороны: если лицо, получившее доступ к криптокошельку, не осознавало, что активы добыты преступным путём, квалификация по ст. 159 УК РФ становится проблематичной.

Кроме того, возникает вопрос о соотношении ст. 159 (мошенничество), ст. 158 (кража) и ст. 172.2 (незаконная организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества) УК РФ. Если лицо путём обмана завладело приватным ключом от криптокошелька потерпевшего и перевело активы на свой кошелек, содеянное может квалифицироваться как мошенничество (при добровольной передаче ключа) или как кража (при тайном хищении ключа). Если же лицо создало фальшивую криптобиржу или инвестиционный проект и привлекало средства потерпевших, содеянное дополнительно может быть квалифицировано по ст. 172.2 УК РФ [3; 9].

Четвёртая группа проблем связана с квалификацией преступлений, в которых цифровая валюта выступает средством совершения иных преступлений — например, незаконного сбыта наркотических средств, где криптовалюта используется как вознаграждение. Как отмечает В. С. Мельник, в делах о незаконном обороте наркотиков цифровая валюта фигурирует как вознаграждение за незаконный сбыт наркотических средств, впоследствии конвертируемое в рубли [6, с. 53]. В таких случаях цифровая валюта выступает средством расчёта, что не создаёт самостоятельных проблем квалификации основного состава, однако порождает проблемы доказывания и конфискации.

Практическим иллюстрацией может служить дело Тамбиева, осуждённого за незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере, у которого было изъято 2718 BTC (на сумму более 7,3 млрд рублей). Ленинский районный суд г. Махачкалы вынес приговор, конфисковав цифровые активы, однако апелляционная инстанция указала на недостаточность доказательств связи между обвиняемым и конкретными криптокошельками [19; 20]. Кассационная инстанция вернула дело на новое рассмотрение, отметив необходимость более детальной фиксации цифровых следов [21]. Данное дело наглядно демонстрирует, что даже при наличии значительных цифровых активов у обвиняемого их конфискация затруднена без надлежащего процессуального оформления.

Отдельного упоминания заслуживают уголовно-правовые риски, связанные с оборотом цифровой валюты как таковой. Статья 171.7 УК РФ (вступающая в силу с 1 января 2027 года) устанавливает уголовную ответственность

за незаконную организацию выпуска и (или) обращения цифровой валюты, предусматривая наказание вплоть до 7 лет лишения свободы [24]. Данная норма создаёт новый пласт проблем квалификации: отграничение незаконной организации обращения от легальной деятельности с цифровыми финансовыми активами, определение момента окончания преступления, оценка размера «дохода» в цифровой валюте. Как отмечает В. С. Мельник, «введение ст. 171.7 УК РФ потребует от правоприменителя выработки критериев отграничения административного правонарушения от уголовно наказуемого деяния, что в условиях цифрового пространства представляет нетривиальную задачу» [6, с. 57].

Отдельного внимания заслуживают процессуальные аспекты, которые тесно связаны с проблемами квалификации. В. С. Мельник обозначил следующие проблемы: необходимость выработки единых стандартов фиксации цифровых следов (данных кошельков, истории операций, переписки в мессенджерах, информации от бирж и P2P-сервисов); требование более подробного описания технической стороны операций с цифровой валютой в мотивировочной части приговора, особенно когда выводы о легализации или взятничестве опираются на цепочки конвертаций; задача разграничения обычного расходования дохода и легализации, требующая учёта не только содержания финансовых операций, но и их структуры, использования номинальных держателей и уровней анонимности [6, с. 54].

Проблема доказывания связи криптокошелька с обвиняемым является одной из наиболее острых. В отличие от традиционных банковских счетов, криптовалютные кошельки не привязаны к персональным данным владельца. Установление того, что именно обвиняемый контролировал конкретный кошелёк, требует комплексного анализа цифровых следов: IP-адресов, метаданных транзакций, переписки в мессенджерах, данных с бирж и P2P-платформ. В доктрине отмечается низкий уровень цифровых навыков следствия и отсутствие надлежащего уголовно-процессуального статуса криптовалют как причины латентности таких преступлений [9; 26].

Как отмечает Э. Л. Сидоренко, «цифровые следы носят эфемерный характер: данные о транзакциях сохраняются в блокчейне, но привязка к конкретному лицу требует совокупности доказательств, каждое из которых в отдельности может быть оспорено» [14]. Это особенно актуально в случаях, когда обвиняемый использует VPN, Tor-браузер или иные средства анонимизации. В таких обстоятельствах доказывание связи кошелька с обвиняемым превращается в сложную пазл-задачу, решение которой требует привлечения специалистов в области цифровой кримина-

листики и информационной безопасности.

Особую сложность представляет процессуальный статус данных, полученных от криптовалютных бирж и P2P-платформ. Информация о верификации личности, истории транзакций, IP-адресах входа в систему может быть получена лишь в порядке международного сотрудничества по уголовным делам, что существенно затягивает расследование. В случае с децентрализованными биржами (DEX) и некастодиальными кошельками получение таких данных вообще может быть невозможным. В связи с этим В. С. Мельник предлагает закрепить в УПК РФ контроль транзакций с цифровой валютой как самостоятельное следственное действие по аналогии с контролем и записью переговоров [28, с. 115].

Проблема оценки стоимости цифровой валюты также имеет существенное значение для квалификации. Старший прокурор второго отдела управления государственных обвинителей Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры РФ М. М. Долгиева отметила, что «ключевым и спорным вопросом остаётся стоимость данного актива» [12]. Волатильность криптовалют создаёт неопределённость при определении размера взятки, суммы легализованных средств и размера хищения. Стоимость биткоина может изменяться на десятки процентов в течение нескольких дней, что влечёт различные правовые последствия в зависимости от выбранного момента оценки. Данная проблема усугубляется отсутствием единого регулируемого рынка цифровой валюты в Российской Федерации, что было отмечено О. А. Кузнецовой при анализе правового режима цифровых финансовых активов [25, с. 16].

Представляется, что стоимость должна определяться на момент совершения преступления с учётом данных криптовалютных бирж, однако единый подход к выбору источника оценки до настоящего времени не выработан [12; 18]. Альтернативный подход, предлагаемый М. М. Долгиевой, заключается в том, чтобы при невозможности определения рыночной стоимости на момент совершения преступления исходить из сумм, фактически затраченных на приобретение цифровой валюты [12]. Данный подход имеет свои ограничения: он неприменим в случаях, когда цифровая валюта была получена не в результате покупки, а в результате совершения преступления (например, в качестве взятки или выручки от незаконного сбыта наркотиков).

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема процессуальной хрупкости цифровых доказательств. Данные о транзакциях в блокчейне, в отличие от традиционных документов, не существуют в материальной форме. Их фиксация в материалах уголовного дела производит-

ся путём изготовления скриншотов, распечаток, протоколов осмотра электронных носителей, — однако все эти формы фиксации могут быть оспорены защитой как ненадёжные. Как отмечает С. В. Кушнир, «скриншот блокчейн-эксплорера не является надёжным доказательством без подтверждения хэш-суммы и привлечения специалиста» [26, с. 74]. Это обуславливает необходимость разработки специального протокола фиксации цифровых доказательств, включающего верификацию хэш-сумм, привлечение специалистов в области блокчейн-технологий и использование сертифицированных программных средств.

Наконец, следует отметить проблему конфискации цифровой валюты. Несмотря на признание цифровой валюты имуществом для целей УК РФ [1], обращение её в доход государства на практике сталкивается с техническими и процедурными сложностями. Для перевода изъятой криптовалюты требуется доступ к приватным ключам, который может быть утрачен (например, при отказе обвиняемого от их предоставления). Кроме того, отсутствует нормативно закреплённый порядок хранения и реализации изъятой цифровой валюты. По данным М. М. Долгиевой, в ряде случаев приговоры о конфискации цифровой валюты фактически не исполняются именно из-за невозможности доступа к активам [12; 18]. Данная проблема требует незамедлительного решения на уровне подзаконного регулирования. Как отмечает Л. В. Иногамова-Хегай, институт конфискации имущества в уголовном праве России нуждается в существенной модернизации с учётом специфики цифровых активов [17, с. 198].

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию правоприменительной практики и уголовного законодательства.

Первое. Необходима разработка единых стандартов фиксации цифровых следов в уголовном процессе. Такие стандарты должны включать требования к документированию данных кошельков, истории транзакций, переписки в мессенджерах, информации от бирж и P2P-сервисов [6; 26]. Представляется целесообразным закрепить указанные стандарты в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвящённом судебной практике по делам о преступлениях, связанных с цифровой валютой. Данное постановление должно содержать минимальные требования к протоколу осмотра электронных носителей, порядку верификации данных блокчейна и привлечению специалистов в области цифровой криминалистики. Кроме того, как обоснованно предлагает В. С. Мельник, целесообразно закрепить в УПК РФ контроль транзакций с цифровой валютой как самостоятельное следственное действие,

что позволит процессуально оформлять данные о движении цифровых активов в режиме реального времени [28, с. 115].

Второе. Требуется унификация доказательственных стандартов при установлении связи криптокошелька с обвиняемым. В частности, необходимо определить минимальный набор доказательств, достаточный для вывода о контроле обвиняемого над кошельком. К таким доказательствам могут относиться: данные о доступе к кошельку с устройств, принадлежащих обвиняемому (IP-адреса, MAC-адреса, cookies браузера); переписка, в которой обсуждается управление кошельком; показания свидетелей; данные бирж о верификации личности (KYC); результаты криминалистического исследования электронных устройств. При этом следует учитывать концепцию четырёх уровней управляемости цифровым активом, предложенную Э. Л. Сидоренко [14]: ниже третьего уровня (фактическое подтверждение транзакции в сети) вывод о контроле над активом не может считаться обоснованным.

Третье. Целесообразно выработать методику оценки стоимости цифровой валюты для целей квалификации. Представляется, что стоимость должна определяться на момент совершения преступления на основе средневзвешенной цены на крупнейших криптовалютных биржах (Binance, Coinbase, Kraken). При этом в мотивировочной части приговора должно быть указано, каким именно источником руководствовался суд и по какому курсу произведён расчёт. Альтернативный подход, предложенный М. М. Долгиевой, — исходить из сумм, фактически затраченных на приобретение цифровой валюты [12], — может применяться как субсидиарный, когда определение рыночной стоимости на момент совершения преступления невозможно (например, в случае значительной давности или утраты данных бирж). Однако данный подход неприменим, когда цифровая валюта получена не в результате покупки, а в результате совершения преступления (взятка, выручка от сбыта наркотиков).

Четвёртое. Необходимо более подробное описание технической стороны операций с цифровой валютой в мотивировочной части приговора, особенно когда выводы о легализации или взяточничестве опираются на цепочки конвертаций. Суд должен указывать: адреса кошельков, использованных обвиняемым; хэш-суммы ключевых транзакций; биржи и P2P-платформы, через которые производились операции; временные рамки конвертаций; курс, по которому оценивался актив. Это позволит обеспечить проверяемость судебных актов и единообразие правоприменения [6; 22]. Как показывает дело Тамбиева [19; 21], отсутствие детального описания цифровых операций в приговоре может стать основани-

ем для отмены судебного решения.

Пятое. Представляется обоснованным предложение о необходимости дополнительных разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам квалификации преступлений, в которых цифровая валюта выступает средством совершения. Такие разъяснения должны затронуть, в частности: момент окончания взятничества при получении цифровой валюты (с учётом уровней управляемости активом); критерии разграничения легализации и обычного расходования преступного дохода (с учётом структуры операций, использования номинальных держателей и уровней анонимности); особенности квалификации мошенничества с использованием цифровой валюты (отграничение от краж и от ст. 172.2 УК РФ); порядок определения размера хищения при волатильности криптовалют [8; 9; 14]. Принятие такого постановления Пленума обеспечит единообразие судебной практики, которое в настоящее время, как показал анализ, отсутствует.

Шестое. Требуется нормативное закрепление порядка хранения и реализации изъятой цифровой валюты. Несмотря на признание цифровой валюты имуществом для целей УК РФ [1], в действующем законодательстве не урегулирован механизм её фактического изъятия, хранения и обращения в доход государства. Необходимо разработать и утвердить на уровне постановления Правительства РФ: перечень уполномоченных организаций, осуществляющих хранение изъятой цифровой валюты; порядок передачи приватных ключей от обвиняемого к уполномоченному хранителю; порядок конвертации изъятой цифровой валюты в фиатные денежные средства для обращения в доход государства; порядок действий в случае отказа обвиняемого от предоставления приватных ключей [16; 18]. Без решения этой проблемы признание цифровой валюты имуществом для целей конфискации остаётся декларативной нормой. Данный вопрос тесно связан с более широкой проблемой модернизации института конфискации имущества, затронутой в работах Л. В. Иногамовой-Хегай [17, с. 201] и А. Р. Гарайшиной [16, с. 103].

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Цифровая валюта является полифункциональным объектом в уголовно-правовом контексте: она может выступать одновременно как предмет преступления, как средство его совершения и как имущество, подлежащее конфискации. Это порождает комплекс проблем квалификации, связанных с определением момента окончания преступления, разграничением смежных составов и доказыванием субъективной стороны. Дуалистическая природа цифровой валюты требует учёта как её свойства имущества, так и

её технической специфики — децентрализованности, анонимности, волатильности.

Судебная практика демонстрирует устойчивый подход к признанию цифровой валюты «иным имуществом» для целей статей 174, 174.1 УК РФ, а также предметом взятки и объектом мошеннического посягательства [6; 7; 8]. Однако практика остаётся неоднородной: по аналогичным делам суды приходят к противоположным выводам, что наглядно демонстрируется расхождением между позициями Железнодорожного суда г. Пензы, Верховного Суда Республики Крым и Восьмого кассационного суда [12; 22]. Неоднородность обусловлена отсутствием единых стандартов фиксации цифровых следов и унифицированных доказательственных стандартов.

Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ, признавший цифровую валюту имуществом для целей УК РФ [1], создал необходимую нормативную основу для конфискации цифровых активов, однако не решил всех проблем квалификации и доказывания. Предстоит ещё работа по реализации этой нормы на уровне подзаконных актов и судебных разъяснений. Введение ст. 171.7 УК РФ с 1 января 2027 года [24] добавит новый пласт проблем квалификации, связанных с отграничением незаконной организации обращения цифровой валюты от легальной деятельности.

Предложенные в статье меры — разработка единых стандартов фиксации цифровых следов, унификация доказательственных стандартов, выработка методики оценки стоимости цифровой валюты, более подробное описание технической стороны операций в приговорах, принятие специального постановления Пленума Верховного Суда РФ и нормативное закрепление порядка хранения и реализации изъятой цифровой валюты — направлены на обеспечение единообразия правоприменения и повышение эффективности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровой валюты. Реализация этих мер позволит приблизить правоприменительную практику к тому уровню технической адекватности, которого требует стремительное развитие цифровых технологий.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2026).

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (ч. I). — Ст. 5018.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

[4] Круглый стол в НОЦ «Уголовно-правовая экспертиза»: Цифровая валюта как предмет преступления и средство его совершения: проблемы квалификации и доказывания (по материалам судебной практики) // Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. — 26.05.2026. — URL: https://www.law.msu.ru/news/kruglyy_stol_v_nos_ugolovno-pravovaya_ekspertiza_2026-05-26_17_39-11280 (дата обращения: 21.09.2026).

[5] Земцов О. Цифровая валюта стала не просто новым финансовым инструментом, но и фактором, влияющим на характер и структуру правонарушений // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. — 14.04.2026. — URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/174046/> (дата обращения: 21.09.2026).

[6] Мельник В.С. Цифровая валюта как предмет преступления и средство его совершения: проблемы квалификации и доказывания (по материалам судебной практики) // Уголовное право. — 2026. — № 7. — С. 45–58.

[7] Узденов А.А. Получение взятки в цифровой валюте: тенденции и проблемы судебной практики // Молодой учёный. — 2026. — № 14 (617). — С. 235–239.

[8] Пленум ВС России под председательством Игоря Краснова определил, когда цифровые права и валюта являются предметом хищения // Верховный Суд Российской Федерации. — 16.06.2026. — URL: <https://www.vsr.ru/news/36011> (дата обращения: 21.09.2026).

[9] Журавлёв М.В. Криптовалюта как предмет легализации преступных доходов // Уголовное право. — 2024. — № 12. — С. 28–35.

[10] Филатова М.А. Правовая природа криптовалюты в контексте уголовной ответственности // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — № 5. — С. 30–37.

[11] Евсеев А.В. Цель легализации как критерий отграничения отмыывания от распоряжения преступным доходом // Уголовное право. — 2024. — № 12. — С. 32–35.

[12] Долгиева М.М. Проблемы квалификации и конфискации цифровой валюты по материалам судебной практики // Материалы круглого стола НОЦ «Уголовно-правовая экспертиза» МГУ. — М.: МГУ, 2026. — С. 15–22.

[13] Сидоренко Э.Л. О необходимости выработки методики квалификации преступлений, связанных с цифровой валютой // РАПСИ. — 22.01.2026. — URL: <https://www.rapsinews.ru> (дата

обращения: 21.09.2026).

[14] Сидоренко Э.Л. Цифровая валюта в уголовном праве: проблематика квалификации // Криминологический журнал. — 2026. — № 3. — С. 40–48.

[15] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: толкование и квалификация: монография. — М.: Юрлитинформ, 2025. — 432 с.

[16] Гарайшина А.Р. Конфискация цифровой валюты: проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский юридический журнал. — 2025. — № 4. — С. 98–106.

[17] Иногамова-Хегай Л.В. Конфискация имущества в уголовном праве России: монография. — М.: Проспект, 2024. — 256 с.

[18] Борисов В.А. Проблемы исполнения приговоров о конфискации криптовалюты // Российская юстиция. — 2026. — № 2. — С. 41–45.

[19] Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы по делу Тамбиева от 15.03.2024 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.09.2026).

[20] Апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан от 12.07.2024 по делу № 22-1274/2024 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.09.2026).

[21] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.10.2024 по делу № 77-2835/2024 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.09.2026).

[22] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2025 по делу № 77-1451/2025 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.09.2026).

[23] Проект Федерального закона № 647823-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за незаконную организацию выпуска и (или) обращения цифровой валюты)» // Государственная Дума ФС РФ. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2026).

[24] Федеральный закон от 10.07.2026 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за незаконную организацию выпуска и (или) обращения цифровой валюты)» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2026).

[25] Кузнецова О.А. Проблемы правового регулирования оборота цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Гражданское

право. — 2025. — № 2. — С. 12–19.

[26] Кушнир С.В. Цифровые доказательства в уголовном процессе: проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. — 2026. — № 1. — С. 70–79.

[27] Рагулин А.В. Р2Р-сделки с цифровой валютой: уголовно-правовые риски // Уголовное право. — 2025. — № 9. — С. 100–108.

[28] Мельник В.С. Контроль транзакций с цифровой валютой как следственное действие: за и против // Материалы круглого стола НОЦ «Уголовно-правовая экспертиза» МГУ. — М.: МГУ, 2026. — С. 115–119.

References:

[1] Federal Law of 20.02.2026 No. 38-FZ "On Amendments to Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: <http://pravo.gov.ru> (access date: 21.09.2026).

[2] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. - No. 31 (part I). - Art. 5018.

[3] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (rev. of 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — № 25. - Art. 2954.

[4] Round table at the REC "Criminal Legal Expertise": Digital currency as the subject of a crime and the means of its commission: problems of qualification and evidence (based on materials of judicial practice) // Law Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. - 26.05.2026. - URL: https://www.law.msu.ru/news/kruglyy_stol_v_noc_ugolovno-pravovaya_ekspertiza_2026-05-26_17_39-11280 (access date: 21.09.2026).

[5] Zemtsov O. Digital currency has become not just a new financial instrument, but also a factor affecting the nature and structure of offenses // Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. - 14.04.2026. - URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/174046/> (access date: 21.09.2026).

[6] Melnik V.S. Digital currency as the subject of a crime and the means of its commission: problems of qualification and evidence (based on judicial practice) // Criminal law. — 2026. — № 7. - S. 45–58.

[7] Uzdenov A.A. Taking a bribe in digital currency: trends and problems of judicial practice // Young scientist. — 2026. — № 14 (617). - S. 235–239.

[8] The Plenum of the Russian Armed Forces, chaired by Igor Krasnov, determined when digital

rights and currency are the subject of theft // Supreme Court of the Russian Federation. - 16.06.2026. - URL: <https://www.vsr.ru/news/36011> (access date: 21.09.2026).

[9] Zhuravlev M.V. Cryptocurrency as a subject of money laundering // Criminal law. — 2024. — № 12. - S. 28–35.

[10] Filatova M.A. The legal nature of cryptocurrency in the context of criminal liability // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2024. — № 5. - S. 30–37.

[11] Evseev A.V. The purpose of legalization as a criterion for distinguishing laundering from the disposal of criminal income // Criminal law. — 2024. — № 12. - S. 32–35.

[12] Dolgieva M.M. Problems of qualification and confiscation of digital currency based on materials of judicial practice // Materials of the round table REC "Criminal legal expertise" of Moscow State University. - M.: MOSCOW STATE UNIVERSITY, 2026. - S. 15–22.

[13] Sidorenko E.L. On the need to develop a methodology for qualifying crimes related to digital currency // RAPSIL. - 22.01.2026. - URL: <https://www.rapsinews.ru> (access date: 21.09.2026).

[14] Sidorenko E.L. Digital currency in criminal law: qualification issues // Criminological journal. — 2026. — № 3. - S. 40–48.

[15] Lopashenko N.A. Economic crimes: interpretation and qualification: monograph. - M.: YurLitinform, 2025. - 432 s.

[16] Garayshina A.R. Confiscation of digital currency: problems of legal regulation and law enforcement // Russian Legal Journal. — 2025. — № 4. - S. 98–106.

[17] Inogamova-Khegai L.V. Confiscation of property in the criminal law of Russia: monograph. - M.: Prospect, 2024. - 256 s.

[18] Borisov V.A. Problems of execution of sentences on confiscation of cryptocurrency // Russian justice. — 2026. — № 2. - S. 41–45.

[19] Verdict of the Leninsky District Court of Makhachkala in the case of Tambiev from 15.03.2024 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: <https://sudact.ru> (access date: 21.09.2026).

[20] Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Dagestan dated 12.07.2024 in case No. 22-1274/2024 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: <https://sudact.ru> (access date: 21.09.2026).

[21] Cassation ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 18.10.2024 in case No. 77-2835/2024 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: <https://sudact.ru> (access date: 21.09.2026).

[22] Cassation ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 24.03.2025 in

case No. 77-1451/2025 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: <https://sudact.ru> (access date: 21.09.2026).

[23] Draft Federal Law No. 647823-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of criminalizing the illegal organization of the issue and (or) circulation of digital currency)" // State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. - URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (access date: 21.09.2026).

[24] Federal Law of 10.07.2026 No. 215-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (in terms of establishing liability for the illegal organization of the issue and (or) circulation of digital currency)" // Official Internet portal of legal information. - URL: <http://pravo.gov.ru>

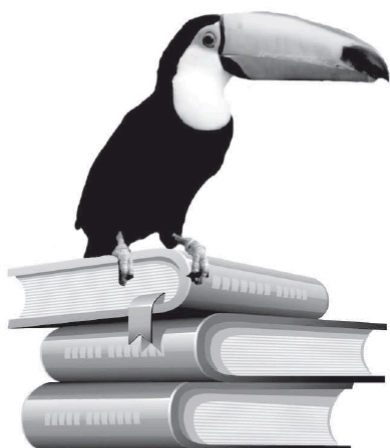
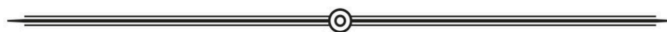
(access date: 21.09.2026).

[25] Kuznetsova O.A. Problems of legal regulation of the turnover of digital financial assets in the Russian Federation // Civil Law. — 2025. — № 2. - S. 12-19.

[26] Kushnir S.V. Digital Evidence in Criminal Proceedings: Problems and Prospects // Russian Law Journal. — 2026. — № 1. - S. 70-79.

[27] Ragulin A.V. P2P transactions with digital currency: criminal legal risks // Criminal law. — 2025. — № 9. - S. 100-108.

[28] Melnik V.S. Control of transactions with digital currency as an investigative action: for and against // Materials of the round table of the REC "Criminal Legal Expertise" of Moscow State University. - M.: Moscow State University, 2026. - S. 115-119.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.